

2017 Том 10 No. 52

Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности

МАРЦИНКОВСКАЯ Т.Д., ТУРУШЕВА Ю.Б. НАРРАТИВ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ТРАНЗИТИВНОСТИ

English version: [Martsinkovskaya T.D., Turusheva Yu.B. Narrative as methodology, investigating the personality in transitive word](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Институт психологии им. Выготского, Москва, Россия

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается понятие социально-психологической транзитивности, связанное с множественностью, неопределенностью и изменчивостью. Показывается связь социальных и психологических аспектов транзитивности. Доказывается необходимость разработки нового подхода к построению категориального строя психологии, перехода от матричного к сетевому принципу соотношения между категориями. Проводится аналогия между неопределенностью в гуманитарных и естественных науках, доказывается плодотворность использования понятия психологический хронотоп для исследования психологии личности в транзитивном мире. Сложная структура психологического хронотопа раскрывает соотношение между социальными и персональными пространствами и временами. При этом анализ возможных вариантов развития личности соотносится не только с тремя пространственными координатами, но и с тремя временами. Предлагается выделять в большом пространственном временном континууме хронотопа жизни малые хронотопы, характеризующие отдельные периоды жизни людей. Показывается положительное и отрицательное значение гетерохронности, важность гармонии между объективными и субъективными аспектами психологического хронотопа, которое возможно внутри одной социальной (субкультурной) группы людей, представленной в виде социальной сети. Раскрывается понятие внутренней формы психологического хронотопа, показывается роль «остранения», выхода за пределы собственной жизни, помогающая осознанию себя и смысла своего существования. Доказывается ведущая роль автобиографического нарратива в изучении личности и в процессе рефлексии людьми смысла своей жизни. Приводятся различные подходы к пониманию нарратива и его связи с «травмой идентичности», личностным кризисом и потерей / обретением смысла. Показывается, что именно в языке происходит окончательное формирование смысла, а новая смысловая структура ведет к перестройке личности. Хотя нарратив повествует об уникальном опыте, он всегда направлен на адресата, позволяя «вписать» личностный смысл в общекультурное поле. Доказывается, что освоение нарративной формы позволяет человеку понять, что неопределенность является частью нашей жизни, и быть готовым к вызову неопределенности.

Ключевые слова: нарратив, неопределенность, множественность, изменчивость, транзитивность, психологический хронотоп, кризис и обретение смысла

Говоря о развитии психологии личности в современном социуме, необходимо в первую очередь проанализировать те вызовы, которые стоят перед этой областью психологии в современном мире. Такой анализ может и должен стать основанием для разработки новой методологии изучения человека. Представляется, что основным вызовом и основной проблемой, встающей перед нами, является транзитивность.

Транзитивность

Основными характеристиками транзитивности являются множественность социокультурных контекстов, постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность. Социально-психологическая транзитивность характеризуется не только множественностью, то есть одновременным существованием нескольких вариантов социального мира в одном временном и пространственном континууме, но и постоянным изменением этих вариантов в непредсказуемом направлении и с неопределенным содержанием. Неопределенность во многом фундируется изменчивостью, так как связана с тем, что происходит многоаспектность изменений, имеющая веерный характер. Таким образом, можно говорить о транзитивности как множественности, изменчивости и неопределенности макро- и микросоциальных пространств. Множественность в данном случае связана в первую очередь с расширением мультикультурного пространства социализации. Глобализация и массовые миграционные процессы увеличивают культурную, лингвистическую, социальную множественность, которая еще больше усиливает изменчивость, казалось бы, привычного окружения.

При этом необходимо помнить, что транзитивность является не только социальной, внешней, но и психологической, духовной. Поэтому большой разрыв возникает между субъективными и объективными пространствами и временами, отношением и к ним, и к изменениям, в них происходящим.

Можно констатировать, что разные аспекты транзитивности связаны с разными трудностями для человека. Так, изменчивость и неопределенность связаны с нарушением целостности идентичности, как ее отдельных составляющих, так и временной перспективы. Множественность затрудняет выбор группы идентификации и направления, пространства социализации. Полученные в наших исследованиях материалы показывают, что три составляющих транзитивности являются крайне сложными для построения адекватных моделей социализации в мультикультурном пространстве. Можно предположить, что неопределенность и изменчивость увеличивают гетерохронность и социального, и персонального пространства-времени именно в мультикультурном, а не в монокультурном пространстве. Таким образом, множественность выборов увеличивает сложность ситуации настолько, что во многом исключает возможность поиска рациональных стратегий личностного развития.

Соотношение между стремлением к укорененности в группе (обществе) и одновременно стремлением к персонализации, личностному росту, является важным условием личностного роста и развития. При транзитивности трудности связаны с увеличением тревоги и напряженности, следствием чего становится стремление «спрятаться от трудностей», найти убежище в группе (неважно, большой или малой), увеличение конформности. Противоположная динамика связана с доминированием персонализации, вплоть до конфликтов с окружающими (негативизм) и / или дауншифтингом.

Эти изменения приводят к необходимости пересмотра понятий идентичность и социализация и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания.

Методология: новый подход

Новые тенденции и новая феноменология развития в ситуации транзитивности приводят к необходимости осознания связи психологии с другими областями знаний о человеке. Междисциплинарность и мультипарадигмальность в науке сказываются, прежде всего, в том, что возникают новые категории, а также новые соотношения между ними, которые не входят в старую категориальную сетку.

В современной методологии категории не только могут изменять, модернизировать свое содержание, но, что особенно важно, выстраиваются новые связи, соединяющие, например, категории социализации, идентичности и кризиса, которые в традиционной схеме входят в разные разделы категориальной матрицы [Марцинковская, 2014]. Еще одной категорией, не являющейся новой, но наполняющейся новым содержанием в современной психологии, является переживание [Марцинковская, 2009]. Представляется, что классический матричный принцип их связи устарел и не отражает ни новых категорий, которые с трудом вписываются в исходную матрицу, ни их взаимосвязи между собой, особенно когда речь идет о категориях, берущих начало из разных областей знания.

Новая методология транзитивности активно фундирует пересмотр старого подхода к построению категориального строя. Помимо того, что матричный принцип не отражает динамики и многообразия современных категорий, он исходит, с той или иной степенью жесткости, из поуровневой связи разных понятий в единой категории. Однако современные категории связаны между собой сложнее, чем это казалось ранее, и не всегда четко разделяются по уровням. Поэтому традиционный матричный принцип построения инвариант, предполагающий их четкую иерархию, но не взаимосвязь и развитие, должен быть дополнен другими вариантами.

Видимо, более адекватным для современной науки является сетевой принцип организации категорий, который дает возможность увидеть как их связь между собой, так и законы и тенденции в их развитии и взаимосвязи, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Сетевой принцип показывает также многоаспектность категориального строя, давая возможность выделить общий для всех отраслей психологии слой и связанные с ним сети, отходящие в разные стороны и характерные для определенных областей науки.

Учитывая, что развитие психологической науки предполагает появление новых терминов и понятий, преимущества сетевого, а не матричного подхода проявляется и в том, что в матрице незаполненное место воспринимается как пропуск, как пустое место, которое должно быть заполнено (например, таблица Менделеева). В принципе, положительным является тот факт, что при правильной экстраполяции известной информации такая «дыра» может стимулировать поисковую активность в нужном направлении и открытие нового, как в той же таблице элементов Менделеева. Однако, с другой стороны, при расширении поля исследования, такой подход может, наоборот, стереотипизировать поиски. В то же время новый сегмент в сетке категорий, не обязательно должен рассматриваться как «пустое место», но, скорее, как обозначение тенденции к ее расширению в определенную сторону, наиболее актуальную, например, на данном этапе развития психологических знаний.

Трансформации, происходящие в психологии личности, доказывают назревшую потребность в методологии современной психологии, создании гибкой и легко трансформируемой сети категорий и исследовательских конструктов, которые могут изучать различные аспекты психики, изменяя их и изменяясь вместе с ними. Таким образом, можно утверждать, что современные парадигмы отличаются проницаемыми границами и возможностью переструктурирования, то есть это не замкнутый эталон определенной школы, но открытая форма.

Методологические проблемы при изучении транзитивного мира связаны не только с необходимостью постоянной оценки и переоценки теоретических и исследовательских парадигм, но и с необходимостью постоянной переоценки и реинтерпретации полученных материалов. С этой точки зрения можно говорить о том, что транзитивность общества может рассматриваться по аналогии с микромиром в точных науках [Марцинковская, 2015].

Как и в физике, где к законам И.Ньютона с необходимостью добавляются и законы А.Эйнштейна, Н.Бора, В.Гейзенберга [Гейзенберг, 1977] и других ученых, в транзитивном обществе другая ситуация диктует появление других закономерностей функционирования и развития психики, а также ее феноменологии, которая и фиксируется в исследованиях. Аналогией дополняет и тот факт, что в транзитивном обществе усиливается неопределенность и вариативность, в то время как в стабильном обществе доминируют достаточно жесткие причинно-следственные отношения. Поэтому, с нашей точки зрения, одним из возможных вариантов методологических конструктов, адекватных для современной психологии личности, может стать конструкт психологического хронотопа.

Психологический хронотоп

Понятие хронотопа появилось в науке относительно недавно – в начале прошлого века. Оно было введено А.А.Ухтомским для объяснения поведения человека как целостной системы, которая реагирует на воздействие окружающей среды. Интересно проследить связь идеи А.А.Ухтомского [Ухтомский, 2008] с его же концепцией доминанты, концепцией построения движений Н.А.Бернштейна [Бернштейн, 1990] и с представлениями о биосфере и ноосфере В.И.Вернадского [Вернадский, 2012].

Необходимо подчеркнуть, что в концепции Ухтомского соединялось не только время и пространство, но и естественное и искусственное окружение человека как целостной системы в общей реакции на внешний мир и, прежде всего, на окружающих людей. Рассогласованность временных и пространственных координат в жизни людей связана и с рассогласованностью жизни в биологическом и социокультурном мире, в биосфере и ноосфере.

Так как объективные составляющие пространства и времени преломляются в образ мира и образ Я в зависимости от индивидуальных условий жизни и личностных качеств человека, можно говорить не только об индивидуализации личностного пространства-времени, но и об индивидуальном соотношении объективного и субъективного аспектов хронотопа. Поэтому актуальной задачей является выявление закономерностей такого преломления / соотношения объективных и субъективных аспектов в целостном психологическом конструкте психологического хронотопа.

Важно то, что хронотоп дает возможность целостного подхода к анализу человека в изменяющейся действительности пространства-времени. Поэтому значение психологического хронотопа для исследования процессов социализации и становления идентичности человека серьезно возрастает в транзитивной действительности. Это связано с тем, что сложная структура психологического хронотопа дает возможность соотнести отдельные моменты совпадения / несовпадения социального и персонального пространства и времени с общим направлением индивидуализации хронотопа и степенью его гетерохронности.

В некоторой степени можно соотнести отдельные моменты хронотопа человека с малыми хронотопами М.М.Бахтина [Бахтин, 1975], в то время как большой хронотоп жизненного пути в большей степени соотносится с представлением о целостности поведения людей в биосфере и ноосфере А.А.Ухтомского и В.И.Вернадского. Отдельные отрезки жизненного пути соединяются в целостный хронотоп жизни, ее локализации во времени (три цвета времени) и пространстве (что особенно важно при изменении пространства). Переживания маркируют не только разные линии хронотопа, но и его гетерохронность, показывая несоответствие личностного и социального пространства-времени.

С появлением виртуального пространства можно говорить о существенном расширении хронотопа, а также и об усилении его гетерохронности. Одновременно с этим все острее чувствуется необходимость гармонизации хронотопа, ведь гетерохронность не дает возможность человеку связать воедино отдельные отрезки его жизненного пути, что относит нас к психологии, целостности идентичности. Недаром С.Дали, говоря о разорванной памяти, показывал, что время, олицетворяющее отдельные моменты жизни, разбросано по разным областям трехмерного пространства.

Таким образом, для психологии, рассматривающей развитие человека в современном транзитивном обществе, психологический хронотоп может помочь в изучении уровней детерминации и направлений становления личности, стабилизации картины мира, формировании целостной идентичности. Гармонизация хронотопа может рассматриваться и как гармонизация идентичности, жизненного пути человека, и как обретение целостной идентичности и появления стабильно позитивного отношения к окружающему. В то же время необходимо подчеркнуть и тот факт, что гетерохронность психологического хронотопа, как любое нарушение гомеостаза, повышает интенциональность, задает направление развития.

Можно говорить о четырех вариантах развития человека в ситуации транзитивности. В первом случае

основанием для формирования представлений о себе и оценки себя становится стремление к сохранению консервативных, проверенных ценностей и эталонов, несмотря на внешние трансформации. Во втором случае фундаментом представления о себе становятся устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства, которые, однако, могут быть не очень востребованы актуальной ситуацией. Третий вариант развития связан со стремлением к осознанию своей индивидуальности, смысла и целей своей жизни. Четвертый вариант связан со стремлением сконструировать (переконструировать) окружающее пространство с тем, чтобы оно гармонично соотносилось с внутренним миром человека.

Во всех этих вариантах развития наиболее важным моментом является возможность поддержания конгруэнтности образа Я с образом мира, и, соответственно, адекватности этого образа мира реальности. [Марцинковская, 2015]. Но, таким образом, личное и социальное в структуре хронотопа подобны тяни-толкаю, смотрят в разные стороны и испытывают разную мотивацию. И здесь мы опять возвращаемся к соотношению больших и малых хронотопов. Малые хронотопы как отдельные отрезки жизненного пути могут не совпадать и даже противоречить друг другу по отдельности. Но они должны складываться в систему большого психологического хронотопа (жизни в целом). Соотношение между разными вариантами и направлениями развития можно гармонизировать, если представить связи между малыми хронотопами внутри одной социальной (субкультурной) группы людей в виде социальной сети. Анализируя структуру этой сети, одновременно с изменчивостью можно говорить о стабильности внутри системы, в которой происходит становление и новых (часто мнимых) идентичностей, и новых форм презентации и самопрезентации. Можно говорить, что таким образом гармонизируется большой социальный (социокультурный) хронотоп, связываются воедино личное и социальное в общности позиций людей в культуре и в жизни.

Гармонизация возможна и через внутреннюю форму психологического хронотопа, то есть через переживание моего образа (или цепочки образов), моего развития в пространстве и времени. И тут очень четко можно будет увидеть точки (отрезки) гетерохронности, которая гармонизируется либо не гармонизируется и приводит к личностному или / и социальному конфликту.

Можно предположить, что точки гетерохронности связаны и с переоценкой реальности, точнее, с появлением нового взгляда на окружающий мир. Представляется, что здесь имеет место указанный еще В.Б. Шкловским [1929] феномен «остранения». И это приводит нас к необходимости осознания роли нарративного подхода в изучении транзитивной реальности бытия человека.

Событие как травма идентичности

Автобиографический нарратив сосредоточен на личном опыте, память о котором является чрезвычайно важной для выстраивания человеком представлений о самом себе: «нарративные практики рассказывания о случившемся суть механизмы формирования, хранения и ретрансляции событийного человеческого опыта» [Тюпа, 2016, с. 8]. Событие же является опытом, прерывающим повседневное течение жизни, своего рода «перерывом постепенности» [Сапогова, 2009]. «Событие – это нечто из ряда вон выходящее. Выделяющееся. Как будто какой-то элемент порядка целого перестал подчиняться порядку, вышел из повиновения и самим собой начал новый порядок» [Гиренок, 1999, с. 73].

Голландский философ Ф.Р. Анкерсмит [2007] предполагает существование особого опыта довербального восприятия мира, связанного с ситуацией, в которой нарушается ожидаемый порядок вещей, в которой знание оказывается бесполезным, язык или эпистемологические схемы демонстрируют неадекватность, а человек вынужден вступать в контакт с реальностью без их привычной поддержки и защиты. Это «мгновение опыта» является дорефлексивным и доязыковым. И только вынося посредством языка травмирующий опыт на расстояние, мы приобретаем знание о нем. По мнению Анкерсмита такой опыт связан с травмой идентичности, при которой представления человека о мире и о самом себе обнаруживают неадекватность реальности. Его прежний мир безвозвратно разрушен, а привычные средства контроля не действуют: «Речь идет об опыте, который затрагивает нашу идентичность таким образом, что заставляет нас смотреть на себя глазами постороннего... мы внезапно осознаем нашу прежнюю идентичность как идентичность того человека, каким мы были до сих пор» [Анкерсмит, 2007, с. 477]. Именно такой опыт в будущем подлежит нарративизации. В качестве примера можно привести отрывок из книги М.Кроссли. Это рассказ

мужчины о дне, когда он узнал о своем статусе ВИЧ-инфицированного: «Абсолютно все, все, что было у вас в жизни, рушится, ломается, превращается в пыль, тлен, и вы становитесь полностью обнаженным и совершенно потерянным. Вы не знаете, что делать. Откуда вы появились? Куда вы направляетесь и где вы находитесь в данный момент? Это невозможно описать, и никто не может вам помочь. Вы должны приходить в себя только своими силами; это крайне сложная и безвыходная ситуация. Это очень травмирует» [Цит. по Кроссли, 2013, с. 77.].

То, что человек считал своим Я-в-мире «мгновенно растворяется в опыте без субъекта – хотя эта утрата самости может компенсироваться крайней интенсивностью опыта. В подобные моменты мы переживаем частичную смерть, потому что от всего, что мы есть, остается лишь чувство или опыт» [Анкерсмит, 2007, с. 318]. Нарратив по сути является языковой фиксацией опыта предельной неопределенности, и в этом смысле он не только описывает, но позволяет осмыслить ситуацию, возвращая ей таким образом определенность, придавая порядок: «Мы знаем, как помогает нам справиться с опытом его языковая фиксация. Она как будто отдаляет от нас угрожающую, ошеломляющую нас непосредственность этого опыта, придает ей должные пропорции, делает ее доступной сообщению и тем самым как бы подчиняет нам» [Гадамер, 1988, с. 523].

Интуитивно момент «смерти героя» хорошо чувствуют писатели и сценаристы, то есть те, кто фиксирует подобный опыт в художественных нарративах: «Даже если герой не сталкивается с риском умереть, все равно должна быть угроза, по крайней мере, символической смерти. Он вступает в опасную игру, отдается любви или пускается в приключения и может либо преуспеть (выжить), либо потерпеть поражение (умереть)... По-настоящему впечатляют те герои, которые действительно приносят жертву» [Воглер, 2015, с. 72]. Для философов это означает, что «чтобы жить дальше и что-то узнать, нужно проститься с собой. С собой, любезным самому себе, привычным, дорогим, достигнутым, свершившим, сделавшим уже что-то» [Мамардашвили, 1997]. С определенного возраста большинство людей имеет представления о мире, о самих себе, а также систему устоявшихся смыслов, ценностей и культурных норм. Этот багаж делает мир предсказуемым, понятным и в какой-то мере безопасным. Но в жизнь вторгается нечто, что делает наши предубеждения бессмысленными. Описываемый в нарративе опыт – это точка, в которой происходит вынужденная редукция знания, прежде всего – знания о самом себе в смысле представлений о своем Я-в-мире. Речь идет о том определенном и предопределенном мире, в который вписано наше Я, в котором наша идентичность (в смысле представлений о себе) может существовать неконфликтно. «Мир, который устроен так, в котором я знаю, что будет, или я ожидаю, что если я сделаю то-то, то будет то-то и то-то. Мир ожиданий... И, чтобы увидеть реальность, именно эту привычку, то есть привычные связности ожидаемых событий, нам нужно разрушить. И это есть – расти. Или – развиваться, или – проходить путь» [Мамардашвили, 1997, с. 55]. М.К.Мамардашвили определяет такой опыт как точку роста. Неверно было бы думать, что подобный опыт является исключительным и выпадает не каждому. Безусловно, человек сталкивается с потрясениями, которые оказываются травматичными в большей или меньшей степени, но можно предположить, что в их основе лежит сходный механизм. Стоит заметить, что потрясение не всегда является негативным. Например, чей-то благородный поступок, который не вписывается в «нормальные» ожидания, может поставить человека в положение «столкновения с реальностью», которое затронет его представления о себе-в-мире. Столкновение в данном случае происходит с другим Я, с поступком, продиктованным чужой ценностно-смысловой системой, которую можно считать реальностью особого типа.

В точке, где идентичность (которую можно описать в терминах теории черт) оказывается разрушенной, а новая идентичность еще не выстроена, возникает люфт – момент существования непредсказуемого, беспричинного «возможного человека» – момент его абсолютной свободы. Удивительно как эта идея перекликается с мыслью Бахтина: «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А... подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие» [Бахтин, 1994, с. 266]. С одной стороны, «несовпадение с собой» (какими мы себя знаем), с другой – выход из культурных нормативных (в том числе моральных) систем, ситуация прямого и травматичного «контакта с реальностью» ставят перед субъектом задачу радикальной смысловой перестройки «картины мира». Такие моменты — это еще и «точки разрыва детерминации» [Леонтьев, 2015], в которых возможно подлинное развитие. В этом смысле неопределенность, с которой сталкивается человек, является возможностью для его роста. «В основании культуры заложен принцип... допуска некоторой автономной спонтанной точки... в

которой вспыхнет личностное деяние, способное самонастроиться на высшие идеалы и ценности, — не получить действие в этой точке путем дедукции из идеалов и высших ценностей, а... есть заранее непрозрачные, не выводимые ниоткуда спонтанные автономные действия в этой точке, оставленной пустой, но такой, что вспыхнувшие там личностные действия и личностные понимания способны самонастроиться на высшее» [Мамардашвили, 1997]. Конечно, объяснить механизм и даже саму возможность такой «самонастройки» невероятно сложно. Предположим, что происходит мгновенное дорефлексивное «схватывание» изменившейся структуры отношений субъекта с миром, причем в ценностной системе координат, в этико-эстетическом измерении: «именно так, как существует донаучное и онтологически предшествующее ему дологическое понимание бытия, так существует и доморальное понимание ценности, которое предшествует всякой эксплицитной морали...» [Франкл, 2000, с. 234].

Нарратив как средство смыслоосознания

Однако размытый, дорефлексивный, довербальный личностный смысл остается неясен как самому человеку, так и окружающим. Момент ценностной неопределенности остается тревожным переживанием до тех пор, пока не будет осмыслен в языке. Несмотря на то, что толчком к смыслопорождению является довербальный кризис отношений между субъектом и миром, окончательное формирование смысла происходит только в дискурсе (частным случаем которого является нарратив): «Литература или текст есть не описание жизни, не просто что-то, что внешнее (по отношению к самой жизни)... Потому что опыт нужно распутать и для этого нужно иметь инструмент... Текст, то есть составление какой-то воображаемой структуры, является единственным средством распутывания опыта; когда мы начинаем что-то понимать в своей жизни, и она приобретает какой-то контур в зависимости от участия текста в ней» [Мамардашвили 1997, с. 6]. Новая смысловая структура неизбежно ведет к перестройке личности, таким образом осознание смысловых связей посредством конструирования нарратива серьезно трансформирует я-в-мире рассказчика.

В 20-м веке язык был осмыслен учеными не просто как «орудие мысли» и средство коммуникации, но как самостоятельная реальность, которая активно формирует и самого человека, и его мир. Стало очевидно, что помимо колоссальных возможностей, которые предоставляет человеку язык, он обладает и огромной силой принуждения, и в этом смысле можно говорить о его диктате, о его абсолютной, деспотической власти. Человек предстал перед наукой как арена битвы дискурсов, подчас лишаясь права выбора и принятия ответственности, а язык приобрел собственную субъектность, находя в человеке средство к продолжению своего существования. Нарративы, однако, фокусируются на том исключительном опыте, когда человек оказывается в довербальной, дорефлексивной позиции, которую можно было бы назвать «кризисом дискурса». Потеря языковых ориентиров ведет к тому, что именно субъект находит выход из ситуации неопределенности за счет создания новой ценностной структуры. «Язык же — даже если представить его как некое одушевленное существо (что было бы только справедливым) — к этическому выбору не способен» [Бродский, 1992, с. 15]. Нарратив может оттолкнуться от внешне незначительного события, но развить его, выстраивая языковую конструкцию, до уровня высших бытийных смыслов: «Всякий может... Никем не установлено, не только человеком, но и Богом не установлено, кто что узнает и поймет. Эта вещь очень важная, фундаментальная» [Мамардашвили, 1997, с. 96]. На этой же мысли настаивал и Франкл: смысл доступен любому человеку, независимо от происхождения, возраста, образования, пола, опыта и т.д. Однако возможно, единственным условием завершения процесса смыслообразования является владение языком и языковыми культурными практиками.

Таким образом, нарратив можно рассматривать как культурный инструмент, позволяющий человеку справиться с ситуациями неопределенности (по крайней мере связанными с потерей ценностных ориентиров).

Особенности нарративной рефлексии

Несмотря на то, что научный поиск механизмов нарративного смыслообразования далек от завершения, уже сегодня можно утверждать, что наррация — это особый вид рефлексии, обладающий рядом специфических возможностей.

Важнейшей особенностью автобиографического нарратива является способность нарратора дистанцироваться от опыта, посмотреть на самого себя или ситуацию глазами Другого. Именно она позволяет рассказчику подумать о себе как о независимом от себя персонаже, сделать события своей жизни предметом пристального изучения, выделить значимые элементы, выстроить смысловые связи между ними, на месте разрушенной смысловой системы создать новую. Автобиографические нарративы сосредоточены на том «головокружительном мгновении, когда в человеке пробуждается мысль, что он может с интересом, но без нарциссического самоуспокоения и мазохистского самокалечения смотреть на себя со стороны. На том нелегком, достаточно болезненном акте взросления, который Лежён называет "кесаревым сечением" мысли» [Дубин, 2000, с. 108].

Именно посредством нарратива опыт неопределенности осмысливается как событие. Придавая ему статус события, нарратив выделяет некоторое содержание из непрерывного жизненного потока (любой нарратив имеет четко выраженные начало и конец). Отграниченность (или фрактальность) «составляет важнейшую конструктивную особенность нарративного текста, свидетельствующую о значимости и неразрывности рассказываемого в потоке всеобщего бытия» [Тюпа, 2016, с. 16] и неразрывно связана со структурностью [Лотман, 1998].

Нарратив относится к материалу памяти селективно: соединяет разрозненные факты, отбрасывает ненужное, выстраивает параллели, собирает воспоминания, принадлежащие событиям разного времени в одно смысловое целое. С точки зрения психологии «выбор подлежащих оформлению фактов, есть уже творческий акт... писатель, отбирая только нужные для него черты событий, сильнейшим образом перерабатывает и перестраивает жизненный материал» [Выготский, 1968]. Осознание важности тех ментальных процессов, которые обеспечивают переработку и оформление разрозненных элементов, впечатлений, смыслов в сюжетную форму, неизбежно приводит к выводу, что сюжет можно рассматривать не просто как композиционный прием, а как способ рефлексии, обладающий специфическими особенностями. «Само построение какой-то условной, воображаемой конструкции впервые придает логику тому, что ты разделенно видел в своей жизни... я имел в виду под текстом, в данном случае под литературным текстом, какое-то явление, событие, которое строится для того, чтобы что-то впервые получило осмысленный вид» [Мамардашвили, 1997]. Л. Минк [Mink, 1987] говорит в связи с этим о «конфигурационном понимании прошлого», подразумевая работу нарратива, которая связывает различные элементы, стремясь к установлению максимального количества связей между ними, к предельной интеграции. Такая позиция, конечно, созвучна идеям конструкционистов о роли языковых практик, посредством которых люди осмысливают мир: «получить смысл, установить, что есть на самом деле, нам удастся, если мы построим для этого текст» [Мамардашвили, 1997]; и о значении композиционной формы: «Слова рассказа или стиха несут его простой смысл, его воду, а композиция, создавая над этими словами, поверх их, новый смысл, располагает все это в совершенно другом плане и претворяет это в вино» [Выготский, 1968].

Крайне важно учитывать, что нарратив всегда направлен на адресата. Это не просто описание некоторых событий так, как их видит автор, «не само по себе восприятие жизни (такой или иной), это организация восприятия» [Тюпа, 2016, с. 24]. Ради этой цели нарратор дробит историю на элементы, связывает их, меняет местами эпизоды, выстраивает параллели и смысловые симметрии. Такой переконфигурацией автор добивается, по Рикеру [Рикер, 1998], построения интриги. Именно интрига, основанная на непредсказуемых поворотах сюжета, удерживает интерес читателя или слушателя.

По мнению Дж. Брунера, автобиографический нарратив выполняет две функции. С одной стороны, с его помощью мы являем себя другим (и самим себе) как типичных представителей культуры. Наши действия, намерения, желания становятся понятны в рамках обыденных представлений, присущих тому миру, в котором мы живем. С другой стороны, если бы мы ограничивались «данностями» культуры, мы оставались бы лишь ее зеркалами. Брунер считает, что для обеспечения индивидуальности мы фокусируемся на том, что является исключительным (и, следовательно, достойным того, чтобы об этом рассказать). Требование рассказать что-нибудь интересное осуществляется через нарратив, в которой распознается каноническое и неканоническое. А интересным ее делает как раз то, что идет вразрез с ожидаемым или приводит к неожиданному результату [Bruner, 1991]. По сути, на этой же мысли настаивал и Ю.М. Лотман. Бессюжетный текст, по его мнению, утверждает некоторое традиционное устойчивое мироустройство, он носит классифицирующий характер. «Бессюжетная система первична и может быть воплощена в

самостоятельном тексте. Сюжетная же – вторична и всегда представляет собой пласт, наложенный на основную бессюжетную структуру. При этом отношение между обоими пластами всегда конфликтное: именно то, невозможность чего утверждается бессюжетной структурой, составляет содержание сюжета. Сюжет – "революционный элемент" по отношению к "картине мира"» [Лотман, 1998].

Таким образом, в нарративе всегда присутствует конфликт между определенным и неопределенным, предсказуемым и непредсказуемым. Парадокс нарратива в том, что, с одной стороны, он расставляет перед слушателем систему своеобразных культурных ориентиров (в том числе морального порядка), с другой – ставит под сомнение устоявшиеся нормы, расшатывает представления о них.

Нарратив как средство трансляции смыслов

Безусловно, автобиографический нарратив повествует о уникальном опыте и личностных смыслах рассказчика. Тем не менее наррация всегда подразумевает слушателя, лицо, к которому обращается рассказчик: «любая биография становится лично обусловленным свидетельством социально-культурного, а не только жизненного мира индивида данного типа. Это значит, что любая биография переполнена интерсубъективным содержанием вопреки субъективно принятой позиции рассказчика» [Голофаст, 1997, с. 23]. Рассказ, таким образом, выстраивает языковую конструкцию, позволяющую уловить личностный смысл и «вписать» его, ориентируясь на слушателя, в общекультурное поле.

Нарратив можно рассматривать и как культурную практику, предполагающую постоянное изменение, обновление культурных норм. Это становится возможным благодаря формируемой нарративом связи между уникальным, неожиданным, идущим вразрез с культурными нормами личностным смыслом и системой уже существующих значений. Нарратив, таким образом, можно рассматривать в качестве инструмента самообновления и развития культуры.

Освоение нарративной формы позволяет человеку понять, что неопределенность составляет неотъемлемую часть нашей жизни. Более того, нарратив позволяет человеку до некоторой степени быть готовым к вызову неопределенности, которую влечет за собой событие, то есть, другими словами, быть готовым к ее осмыслению и к открывающимся вместе с новым смыслом возможностям. «"Быть готовым к событию" – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. Поскольку событие по сущности своей является непредвидимым, поскольку оно не подчиняется закону господствующих возможностей, готовить событие – значит быть расположенным его принять. <...> Быть готовым к событию – значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями» [Бадью, 2013, с. 20–21].

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Литература

Анкерсмит Ф.Р. [Ankersmit F.R.] Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Бадью А. [Badiou A.] Философия и событие. М.: ИОИ, 2013.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994.

Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.

Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского в 4 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.

Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968.

Гадамер Х.-Г. [Gadamer H.-G.] Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

Гейзенберг В. Природа элементарных частиц. Успехи физических наук, 1977, 121(4), 657—677.

Гиренок Ф.И. Археография события. В кн.: Событие и смысл (Синергетический опыт языка). М.: Институт философии РАН, 1999.

Голофаст В.Б. Три слоя биографического повествования. В кн.: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Вып. 5. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1997. С. 23—26.

Дубин Б.В. Как сделано литературное «я». Иностранная литература, 2000, No. 4, 108—110.

Кроссли М. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. М.: ДМК-Пресс, 2013.

Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности. Психологические исследования, 2015, 8(40), 2. <http://psystudy.ru>

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. В кн.: Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14—285.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1997.

Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! Психологические исследования, 2014, 7(36), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире. Психологические исследования, 2009, 3(5), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015а. 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Эстетическая парадигма в современной психологии: гармонизация переживаний времени и пространства. Вопросы психологии, 2015b, No. 6, 1—11.

Рикер П. [Ricoeur P.] Время и рассказ. СПб.: Университетская книга, 1998.

Сапогова Е.Е. Преодоление лиминальности как способ личностного жизнетворчества. Культурно-историческая психология, 2009, No. 1, 49—56.

Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016.

Ухтомский А.А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Франкл В. [Frankl V.] Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.

Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929.

Bruner J. Self-making and world-making. *Journal of Aesthetic Education*, 1991, 25(1), 67–78.

Mink L.O. *Historical Understanding*. New York, NY: Cornell University Press, 1987.

Поступила в редакцию 10 ноября 2016 г. Дата публикации: 26 апреля 2017 г.

Сведения об авторах

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, ул. Черняховского, д. 9-1, 125319 Москва, Россия; зам. директора института психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия; заведующая лабораторией психологии личности, факультет психологии, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005 Москва, Россия.
E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

Турушева Юлия Борисовна. Аспирант, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.
E-mail: turusheva.yulia@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности. *Психологические исследования*, 2017, 10(52), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10, № 52. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1401-martsinkovskaya52.html>

[К началу страницы >>](#)